

Собор Рождества Богородицы

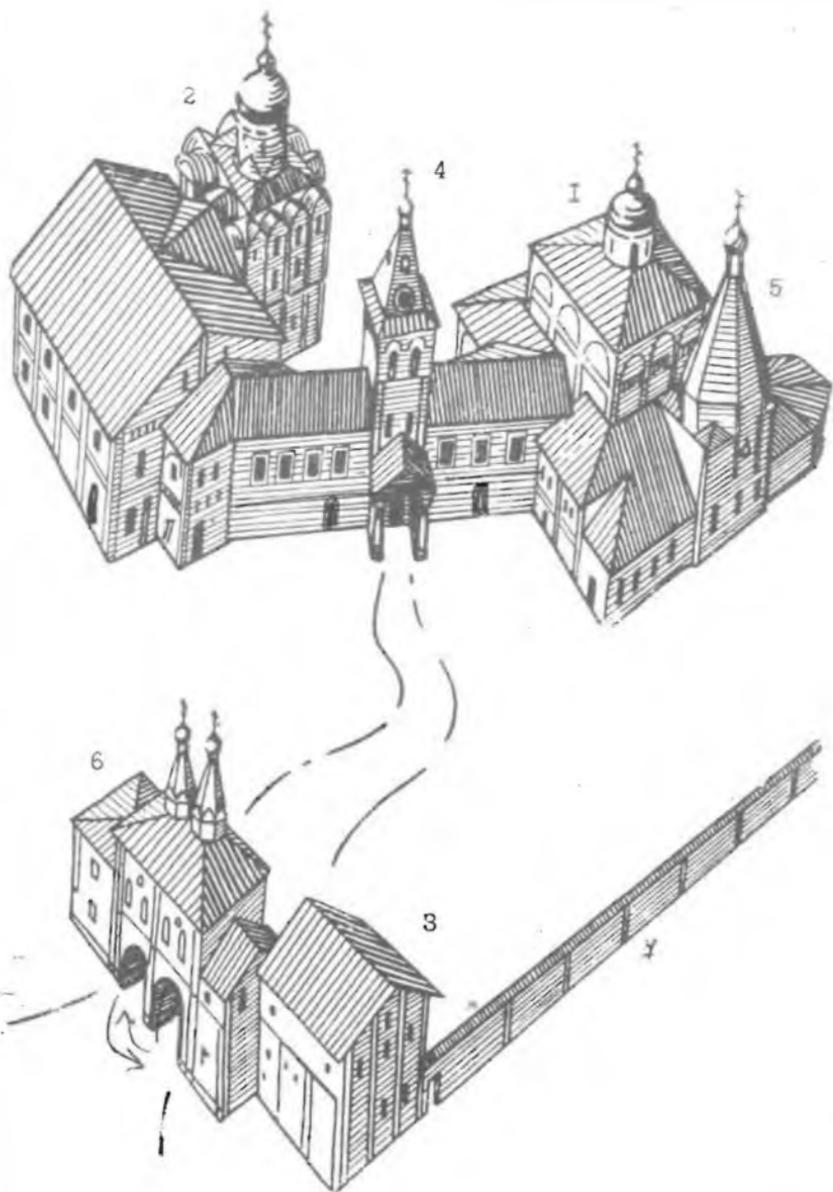
Согласно церковному преданию, собор Рождества Богородицы был заложен преп. Ферапонтом в 1398 г.¹, однако эта дата не имеет никаких дополнительных подтверждений. Древние антиминсы собора и Никольского придела, обнаруженные А.Г.Вальтером в 1915 г. и позже опубликованные К.К.Романовым², дают нам некоторые данные по первоначальной строительной истории собора. К.К.Романов считает, что первая церковь была освящена 8 сентября 1409 г., о чем свидетельствует самый древний из найденных антиминсов. Но тогда получается, что в монастыре за период с 1398 по 1408 гг., т.е. во время пребывания в нем Ферапонта, не совершалась литургия, т.к., согласно церковным правилам, в храме не освященном и не имеющем антиминса, церковные таинства не совершаются, а такое предположение кажется достаточно невероятным. Счевидно, в 1409 г. храм, построенный Ферапонтом и имевший самые скромные размеры, был расширен, что и вызвало необходимость его вторичного освящения, а самый древний антиминс оказался утерянным.

Следующая перестройка храма приходится на 1466 г. — время активной деятельности в монастыре игумена Мартиниана. К.К.Романов справедливо отмечает, что "церковь Рождества Богородицы... ко второй половине XV столетия обветшала, а главное, должна была оказаться недостаточной для потребностей сильно развившегося монастыря"³. Храм был освящен 8 сентября 1466 г., а Никольский придел, видимо, пристроенный к церкви, — 5 июля 1470 г.⁴.

Неизвестно, пострадал ли храм во время пожара 1488 г., о котором сообщает житие преп.Мартиниана⁵, но вскоре после него было начато строительство каменного собора, который вместе с Никольским приделом был освящен 8 сентября 1490 г. Исследования, проведенные П.П.Покрышкиным, К.К.Романовым и А.Г.Вальтером в ходе ремонтных работ 1912—1915 гг., позволили полностью восстановить первоначальный его облик⁶. Стены собора завершались тремя закомарами, над которыми шли два ряда кокошни-

Схематический план Терапонтова монастыря
(нумерация памятников соответствует их нумерации
на аксометрии, см. стр. 33)

Памятники Феропонтова монастыря:

I -- собор Рождества Богородицы, 1490 г.

2 -- церковь Благовещения с трапезной палатой, 1530--1534 гг.

3 -- Казенная палата, XVI в. 4 -- колокольня, XVI--XVII вв.

5 -- церковь пр. Мартинаиана, 1640 г.

6 -- Святые ворота с церквами Богоявления и Феропонта, 1649 г.

7 -- ограда XVII в.

1531 г.

ков; над ними возвышался барабан с шестью узкими окнами, увенчанный шлемовидной главой. Другая маленькая главка с тремя окнами находилась над Никольским приделом ⁷. Собор стоял на высоком подклете и был окружен с трех сторон открытым гульбищем, в северо-западном углу которого располагалась звонница.

Первое десятилетие существования собора единственным украшением его интерьера оставался иконостас. Фрески были созданы в 1502 г., о чем свидетельствует надпись в своде северного портала собора. Частичная утраченность этой надписи и путаница, возникающая при переводе некоторыми исследователями даты создания росписи с летосчисления "от сотворения мира" на летосчисление "от Рождества Христова", объясняют различие датировок, имеющих в научной литературе. Наиболее убедительное прочтение надписи вместе с критическим анализом предшествующих вариантов предложил Н.И.Федшин. Согласно его интерпретации текста ⁸, роспись была создана в период с 6 августа по 8 сентября 1502 г. Эту же дату — 1502 г. — называет монастырская опись 1693 г. ⁹.

На протяжении XVI столетия собор обстраивается папертами, которые, как считают К.К.Романов и П.П.Покрышкин, возникли неодновременно ¹⁰. Создание крытых папертей на основе современных собору галерей завершилось в конце XVI в. возведением шатровой колокольни ¹¹. В 1641 г., после построения церкви преп. Мартиниана, собор с трех сторон оказался полностью обстроенным, но точную хронологию возведения этих сооружений не позволяет восстановить полное отсутствие документов этого периода.

Материалы XVII в. отрывочны и не дают никаких конкретных данных о производимых в соборе ремонтах, однако, сопоставляя их, мы можем сделать некоторые выводы. Две самые ранние из дошедших до нас списей монастыря (1664 и 1665 гг.) практически в одинаковых словах описывают собор: "В монастыре настоящем храм каменный на взмостье Рождество Пречистые Богородицы да в приделе Николая Чудотворца, о двух главах, кресты и главы опаяны железом белым, а в церкви писано стеним письмом" ¹². В следующих двух описях (1673 и 1680 гг.) говорится, что уже не только главы, но и крыши "бложены белым железом" ¹³. Закономерно предположить, что между 1665 и 1673 гг. деревянная кровля собора была заменена на железную. Вероятнее всего, эти

работы были проведены после пожара 1666 г.¹⁴, но уже через десять лет строитель монастыря Исайя сообщил в Москву, что "на церквах и каменных палатах все кроили стнили"¹⁵. Собор продолжал ветшать, но у обедневшего монастыря не хватало средств на его ремонт.

В начале 90-х гг. на соборе "по наказанию пресвященно-го Гавриила архиепископа Вологодского и Белозерского" был водружен новый крест¹⁶, с тех пор, по всей вероятности, не менявшийся.

От первой трети XVIII в. до нас дошло крайне мало документов. Две разрозненные описи монастыря¹⁷ не дают никаких данных о его состоянии, которое, вероятно, продолжало внушать опасения. Лишь в 1738 г. был предпринят первый серьезный ремонт всего здания, единственным свидетельством которого долгое время являлась надпись, выцарапанная на верхней отгранке полотенца в северной части алтаря: "1738 сентября в ... день поновлена бысть сия соборная перковь стеннсе письмо и связана железными ралением и рачением игумена Павла и добродетущих в пречестную церковь сию"¹⁸. Достоверность этой надписи подтверждена благодаря двум недавно обнаруженным документам, первый из которых — "Вкладная книга Ферапонтова монастыря"; в ней, в частности, говорится: "1738 году февраля 10 дня он же (архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Вавила — В.С.) дал три рубли, которые и отданы на связи церковные монаху Феодосию"¹⁹. Второй документ — отчетная ведомость монастыря за 1738—1740 гг., в которой в расходе денег за 1738 г. упоминаются следующие статьи: "На починку каменного здания (израсходовано — В.С.) двести на шестнадцать рублей десять копеек" и "железа, уклад, замков (купленс — В.С.) на 35 рублей"²⁰. Надо полагать, упомянутое "каменное здание" является собором Рождества Богородицы, а купленное железо пошло на изготовление связей.

Кованые железные тяги, связавшие все здание на уровне пят сводов, сохранились до наших дней²¹. С.В.Филатов считает, что они заменили первоначальные деревянные связи, находившиеся на этом же уровне²². Вне всякого сомнения, деревянные тяги были сделаны при строительстве собора, однако, вероятнее всего,

они были удалены к моменту создания росписей. М.Г.Малкин оспаривает мнение С.В.Филатова, справедливо отмечая, что подобные тяги делались для предотвращения распора стен, "пока не схватится известь (на это требуется 2—3 года)"²³, а между строительством собора и его росписью прошло 12 лет. Свое мнение М.Г.Малкин аргументирует исходя из контекста надписи о поновлении собора, но и другие факты указывают на вероятное отсутствие деревянных тяг в 1502 г. Анализ памятников древнерусской монументальной живописи показывает, что очень часто деревянные тяги к моменту украшения храма росписями удалялись. Это происходило в тех случаях, когда от строительства храма до создания фресок проходило несколько лет. В случае сохранения тяг их гнезда приходились на неответственные участки живописи и, как правило, обводились красными отгранками, как это сделано в церкви Успения на Волотовом поле. В соборе Ферапонтова монастыря гнезда железных тяг приходятся на самые произвольные участки росписи, а отгранки вокруг отсутствуют. Кроме того, в случае замены деревянных тяг железными логично было бы использовать старые гнезда, от которых должны были остаться следы, даже при учете того, что края старой штукатурки при выемке деревянных связей утрачивались. Утраты же древней штукатурки в местах крепления тяг значительно превышают размеры, необходимые для крепления как железных, так и деревянных связей. Очевидно, первоначальные деревянные связи были удалены перед созданием росписей, а в 1738 г. для крепления железных тяг были пробиты новые гнезда, чем и объясняются их большие размеры. К такому же выводу, основываясь на сопоставлении размеров иконостаса и собора, пришел И.А.Кочетков²⁴. Видимо, отсутствие деревянных связей явилось одной из причин расседания стен собора, чем и был вызван ремонт 1738 г., который, однако, лишь на небольшой срок приостановил процесс разрушения здания.

Если первая часть ремонта не вызывает никаких сомнений, то степень поновления фресок остается до конца неясной. В настоящее время живопись 1738 г. осталась только на некоторых штукатурных вставках того времени, находящихся в основном в верхней части собора (своды, подпружные арки, люнет южной стены и др.), причем на многих участках почерневшая от времени допись

полностью удалена. На самих фресках сейчас отсутствуют даже следы поновления — клеевые краски, которыми оно было выполнено, не имея прочного сцепления с древней живописью, осыпались и к началу XX в. практически полностью самоудалились, а остатки их были досняты в ходе реставраций. Поэтому для нас важны свидетельства очевидцев, исследовавших фрески собора до проведения основных реставрационных работ.

Н.М.Чернышев посетил Фералонтово в 1925 г. и позже в своей книге о технике фрески специальную главу посвятил вопросу поновления росписей собора Рождества Богородицы; несмотря на многие точно подмеченные факты, его излишне категоричные суждения о степени поновления стенописи в целом оказались ошибочными. Так, он выделяет группу фресок, которые "довольно ремесленно реставрированы темперой, хотя и строго по прописи..., но омертвляющие до неузнаваемости искусство Дионисия". "Подвергшиеся реставрации фрески были записаны не сплошь, а, видимо, только в более пострадавших от времени местах". К поновленным сценам Н.М.Чернышев относит "Свидание Марии и Елизаветы", "Бурю внутрь ижея", "Благовещение у колодца", "Покров" и др. По мнению Н.М.Чернышева, реставрации подверглись лишь композиции нижних регистров: "Реставрация проводилась экономично и затронула лишь самые заметные и не требующие сооружения сложных лесов изображения"²⁵. Однако совершенно очевидно, что поновление коснулось большей части росписи, и в первую очередь верхних регистров. Некоторые же из композиций, отнесенных Н.М.Чернышевым к "пострадавшим от времени", имеют прекрасную сохранность (например, "Благовещение у колодца").

Более точную картину дает В.Т.Георгиевский, который в своей книге, посвященной фрескам Дионисия, пишет: "Попытки освежения древних фресок в XVIII в. ...кончились полной неудачей, так как краски, нанесенные на древнюю живопись, везде осыпались, и от них остались еле заметные следы в некоторых местах"²⁶. Позже, в 1914 г., побыв в Фералонтове и осмотрев живопись с лесов, он писал И.С.Остроухову: "...я на лесах заметил, что некоторые фрески были помараны немного, но не безобразно — это в 1738 году"²⁷.

Еще один документ свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь заметных следов поновления к началу нашего столетия. В 1916 г., в связи с работами, проводимыми в Богородице-Рождественском соборе, в Ферапонтово были приглашены известные реставраторы древнерусской живописи братья М.О. и Г.О. Чириковы. Они составили смету на реставрацию стенописи собора и икон из иконостаса, в которой ни слова не говорится об удалении записей с фресок²⁸. Находясь на фресках значительное количество записи, это не укрылось бы от внимания опытейших реставраторов и, вне сомнения, нашло бы соответствующее отражение в смете.

Из приведенных выше фактов можно делать следующие выводы о поновлении фресок в 1738 г.: работы эти прежде всего коснулись тех участков, где штукатурка с живописью по тем или иным причинам утратилась; на остальной части росписи, как справедливо отметил Н.М. Чернышев, поновление было не сплошное, а лишь на наиболее утраченных местах. К началу XX в. запись практически полностью осыпалась, не нанеся фрескам никакого ущерба. Еще раз брат Н.М. Чернышев, говоря, что "реставрация производилась очень экономично". Бросается в глаза и другое — чрезвычайно низкий художественный уровень живописи, сохранившейся на штукатурных вставках 1738 г. Исполнявшему допись художнику не удалось не только приблизиться к стилю фресок, но даже попасть в заданный ими масштаб. Вероятнее всего, поновление было поручено не приглашенному художнику, а кому-то из монахов монастыря, каким, например, мог быть монах-иконописец Федор Захлепин, упоминающийся в таблице Ферапонтова монастыря за 1733 г.²⁹. Очевидно, все работы проводились силами и на средства монастыря, без участия Консистории, чем и объясняется полное отсутствие документов по ходу ремонта 1738 г.

Ремонтные работы 1738 г., в силу своей ограниченности, не могли приостановить процесса разрушения собора, на ветхость которого, а также окружающих его папертей, уже указывает опись 1767 г.³⁰. Замена железного покрытия обеих глав на осиновый лемех, происшедшая в первой половине XVIII столетия³¹, лишь способствовала ухудшению состояния храма. В 1772 г., в ходе "косметического" ремонта, на большинстве зданий монастыря, в том числе и на соборе Рождества Богородицы, "были замазаны

разселины" ³². Этому ремонту предшествовала замена кровли на соборе ³³. Но уже через три года замазанные трещины вновь проявились, о чем свидетельствует опись 1775 г.: "Показанное строение (собор Рождества Богородицы — В.С.) весьма ветхо и во многих местах поразселось", а "паперть и крыльца весьма обветшали и требуют скрепления железными связями" ³⁴. В рапорте в Новгородскую Консисторию, посланном в начале 80-х гг., игумен монастыря Герасим сообщал, что стены и своды собора имеют трещины, а кровля обветшала и местами сгнила ³⁵. Таким образом, процесс расседания стен собора к концу XVIII столетия заметно активизировался, и здание оказалось на грани разрушения.

Ремонт 1794—1798 гг., охвативший все здания монастыря, в первую очередь коснулся собора и примыкающих к нему построек. Храм был укреплен, но перестройки, проведенные в угоду новым вкусам, не только исказили его облик, но и нанесли заметный урон фрескам. Монастырская опись 1798 г. дает довольно подробное по тем временам описание ремонтных работ. О соборе Рождества Богородицы говорится следующее: "Церковь соборная..., при ней паперть вновь поправленная с фундаментами, и она привязана к церкви железными связями... В которой церкви и в главе пробито вновь тринадцать окон больших с железными решетками, и в оных вставлены окончины новые, покрашенные красками. Показанная церковь об одной с приделом главе, которая построена вновь с кумолом. На оной главе крест железной и золотом позолочен, а та глава, и кумпол, и кровля выкрашены красками, и при оной церкви в левой стороне зделана вновь из паперти ризница, в которой четыре окна больших с решетками железными...". "Между вышеописанными соборными церквями (собором Рождества Богородицы и церковью Благовещения — В.С.) линиею каменные вновь зделаны с железными связями переходы, в коих переходах шестнадцать больших окон..., и вверху пропущена сквозь новая тесовая подволока в дверной паз для убору штуком. Посреди тех переходов вверху положена каменная шатровая об одной главе (колокольня — В.С.), на которой как глава, шатер, так и кровля поновлены и преправлены красками... Показанная колокольня в трех местах связана железными связями крепко, а щели залиты

цементом и внизу подкреплены вновь построенным крыльцом" 36.

В приведенном описании многие важные детали остались не-
досказанными или вовсе опущены, но, суммируя его с данными
исследований П.П.Покрышкина и К.К.Романова 37, можно составить
полное представление о ходе ремонта. Прежде всего, на соборе
было сделано новое четырехскатное покрытие, уничтожившее малую
главу над Никольским приделом, а также шиповую часть кокошник-
ков и закомар. Шлемовидная глава была заменена на двухъярусную,
а окна барабана оказались сильно растесанными, из-за чего постра-
дали фигуры ангелов в простенках. Растеске подверглись также
окна на стенах собора, а в центральном прясле западной стены
появилось новое прямоугольное окно, уничтожившее фигуру Христа
из "Страшного суда". Нетронутыми остались окна боковых апсид,
а также окно в южной стене диаконника, заложенное при постройке
церкви преп.Мартиниана. Окно центральной апсиды, расширенное
еще в 1777 г. 38, также осталось в прежнем виде. Снаружи в сте-
ны были врезаны железные тяги, связавшие по периметру весь со-
бор, при этом сильно пострадал орнаментальный кирпичный фриз,
опоясывающий все здание. Паперть и переходы оказались практи-
чески заново переложены и связанными с собором железными
тягами; тогда же здесь был сделан низкий потолок, разделивший
портальную композицию пополам и просуществовавший до реставра-
ции собора в 1914 г. Вместе с папертьями было заново построено
крыльцо, а колокольня, укрепленная железными тягами, полностью
отремонтирована.

Уже в ходе работ многочисленные трещины, испещрившие из-
нутри стены собора, были грубо замазаны раствором, а фрески в
барабане и на парусах оказались забрызганными побелкой. Вероят-
но, в планы игумена Феофилакта входило после окончания ремонта
поновить роспись, которая имела в то время самый неприглядный
вид. Можно не сомневаться, что поновление было бы проведено
в соответствии с теми варварскими методами, которые бытовали
в XIII в. — фрески оказались бы полностью записанными, а в худ-
шем случае частично или полностью сбитыми со стены. Но по счаст-
ливой случайности росписи Дионисия избежали этой печальной
участи — монастырь был упразднен, ремонт остался незавершенным.
В таком виде, с многочисленными следами ремонта, живопись прос-
тояла до начала XX в. и была зафиксирована на многочисленных

фотографиях, наглядно демонстрирующих их состояние до начала реставрации ³⁹.

Благодаря ремонтным работам 1794—1798 гг. опасность разрушения собора была если не ликвидирована полностью, то по крайней мере отодвинута на значительный срок. На протяжении всего XIX столетия, на фоне довольно активной ремонтной деятельности в монастыре, по собору Рождества Богородицы не проводится ни одного серьезного ремонта. В 1800 г. завершаются работы, на которые не хватило средств в 1798 г. В частности, на соборе Рождества Богородицы была обита "белым аглицким железом" глава и перекрыта тесом паперть ⁴⁰. В 1805 г. вновь перекрывается купол ⁴¹, в 1813 г. ремонтируется паперть ⁴², а в 1825 г. все здания монастыря, в том числе и собор, подвергаются "косметическому" ремонту ⁴³. В 1826 г. перекрывается крыша алтаря собора ⁴⁴, а в 1829 г. — оставшая часть кровли ⁴⁵. На следующий год кровля выкрашивается ярью-медяной ⁴⁶. В 1833 г., наряду с некоторыми работами в интерьере храма (об этом см. ниже), была частично перекрыта паперть собора и в ней же перестелен пол ⁴⁷. В 1861—1864 гг. в монастыре поновляются церкви преп.Ферапонта и Богоявления, а также придел Николая Чудотворца. В эти годы на соборе чинится кровля, а само здание подвергается "косметическому" ремонту ⁴⁸. Аналогичные работы проводятся по всему монастырю в 1867—1868 гг. ⁴⁹. В 1880 г. ветром сорвало ветхую кровлю главы собора, что вызвало необходимость ее перекрытия ⁵⁰.

Из приведенного перечисления становится очевидным, что все ремонты собора касались либо замены его покрытия, либо наведения "благолепия" на его внешний вид. Объясняется это не прочностью собора, который к середине столетия вновь обветшал, а, вероятнее всего, представлявшейся причту Ферапонтовской церкви неоправданностью больших затрат на его ремонт. Нужды прихода вполне удовлетворялись двумя теплыми церквями, Благовещения и преп.Мартиниана, а в соборе богослужения совершались, вероятнее всего, лишь по большим праздникам. В результате такого небрежного отношения собор вновь оказался на грани разрушения, и в начале XX столетия, при восстановлении монастыря, богослужения в нем уже не совершались ⁵¹.

Пренебрежительное отношение причта Ферапонтовской церкви к собору становится очевидным из переписки с Кирилловским Духовным правлением. Еще в 60-х гг. епархиальное начальство обращало внимание на ветхость собора. В 1864 г., сразу же после поновления надвратных церквей и Никольского придела, причту было дано распоряжение "отштукатурить и отбелить наружные стены храма" ⁵², а в начале следующего, 1865 г. последовал указ об изыскании средств "для исправления ветхостей при церквах" ⁵³. В нем не оговаривается конкретно, какие церкви требовали поправки, но если учитывать, что все храмы Ферапонтова монастыря, исключая соборный, в период 1838—1864 гг. были поновлены или перестроены, то становится очевидным, что речь идет о соборе Рождества Богородицы. В 1868 г. Консistorия вновь указывала на необходимость "учинить поправки" в соборе ⁵⁴, но это распоряжение так и осталось невыполненным.

В XIX в. незначительные работы проводились и по стенописи. Так, в 1833 г., в процессе поновления иконостаса, кирилловский мещанин И.В. Каменский получил 16 рублей "за крашение пола и крылосов и за мытье стеного писания в соборе" ⁵⁵. Судя по записи, промывка стенописи имела второстепенное значение и охватила незначительную площадь. По всей видимости, она свелась к удалению загрязнений в нижней части стен и вряд ли нанесла фрескам существенный урон.

в 1862 В 1862—1864 гг. под руководством священника Арсения Разумовского были обновлены надвратные церкви и Никольский придел собора. Из описи 1856 г. мы узнаём, что обе надвратные церкви "назначены к возобновлению, на что уже имеется и епархиальное разрешение, именно: иконостасы перезолотить, иконы некоторые возобновить, а некоторые вновь написать, стены ж как в церкви, так и в алтарях украсить живописью" ⁵⁶. В рапорте А. Разумовского от 29 марта 1862 г. говорилось о возобновлении указанных церквей и Никольского придела "с большими переменами, особенно в св. иконах" ⁵⁷, из-за чего даже были задержаны с отправкой в Консistorию описи церквей ⁵⁸.

Расходная книга Ферапонтовской церкви указывает, что живописные работы в указанных церквах проводил белозерский купец Александр Акинин, получивший за период с декабря 1861 по август 1863 г. 427 рублей ⁵⁹. К сожалению, остальные указания расход-

ной книги слишком расплывчаты для того, чтобы на них можно было строить твердые выводы, однако вполне возможно, что вместе с иконами в Никольском приделе оказались поновленными и фрески. Отметим, что здесь из-за постоянно стекающей с кровли церкви преп. Мартинаана на стену апсиды воды фрески довольно сильно утратились, особенно в южной части диакона, и это могло послужить причиной их частичного поновления. Если принять эту гипотезу, то становится понятным, почему именно в Никольском приделе отмечалась столь активное произрастание водорослей и плесени, для которых связующее клеевой прописи вместе с повышенной влажностью в приделе оказались отличной питательной средой ⁶⁰.

В 1892 г. фрески собора вновь оказались под угрозой поновления. Благочинный III округа Кирилловского уезда, в который входило Ферапонтово, заботясь о благолепии храма, послал в Новгородскую Консисторию рапорт, в котором спрашивал на возобновление настенной живописи собора Рождества Богородицы денег. К счастью, средств не нашлось и в Консистории, которая на эту просьбу ответила предписанием "причту Ферапонтовской церкви озаботиться приведением в должный вид настенной живописи в храме Рождества Пресвятыя Богородицы, изыскав потребные для сего средства сбором с прихода и обращением к известным благотворителям" ⁶¹. Но начавшаяся вскоре кампания по восстановлению монастыря и участие в ней Археологической комиссии исключили возможность бесконтрольных ремонтов собора и ремесленных поновлений живописи.

Состояние собора Рождества Богородицы и его фресок, с того момента, как на них обратил внимание общественности И.И. Гиллиантов, не переставало вызывать опасения в среде знатоков и любителей древнерусского искусства. Посетивший в 1902 г. Ферапонтово граф П.С. Шереметев отмечал, что в соборе царит полное запустение, "стены покрыты ином" ⁶². Очевидно, к этому времени богослужения в храме уже не совершались.

П.П. Покрышкин, обследовавший монастырь в 1904 г., в заключении о его состоянии говорил, что здания обители, и в первую очередь собор Рождества Богородицы, "сохранили так много остатков древней конструкции и древней архитектурной декорации, что

представляется возможным восстановление их в первоначальном виде". Там же он обращал внимание на продолжающееся разрушение цокольных частей здания и настаивал на необходимости проведения скорейшего ремонта ⁶³.

Игуменья Таисия, со своей стороны, пыталась обратить внимание епархиального начальства на бедственное положение собора. В своем рапорте она говорила, что "в храме совершать богослужения... невозможно: с внутренней стороны в куполе видны большие трещины, хотя, может быть, и не опасные для него, т.е. не угрожающие ему падением, но тем не менее требующие исправления", а кирпичный пол, лежащий на деревянном настиле, провалился ⁶⁴.

Опубликованные в 1908 г. результаты обмеров, проведенных П.П.Покрышкиным и К.К.Романовым в 1905 г., вызвали еще большие опасения за судьбу Богородице-Рождественского собора, оказавшегося в аварийном состоянии. Сильнее всего пострадали цоколи и фундамент здания, где кирпич перепрел и активно осыпался. Особенно бедственное положение было отмечено в северо-восточной части собора, где кладка выкрошилась на треть толщины стены. Причину столь активного разрушения фундамента исследователи видели в подземном ключе, вода которого, подойдя к стене, подмыла и разрыхлила ее. В результате ослабления фундамента и осадки собора в кладке образовались многочисленные трещины. "Собор треснул в двух взаимноперпендикулярных направлениях -- по главным осям, минуя лишь барабан купола". Самая глубокая трещина, местами достигавшая шириной 8 см, начиналась в фундаменте северной стены, шла через северный портал, всю северную стену, затем свод и северную подпружную арку и, минуя барабан, через южный свод спускалась к южному portalу. Другая продольная трещина, начинаясь от западных дверей собора, поднималась через западное окно к подпружным аркам и, минуя барабан, резала среднюю апсиду по окнам. Кроме того, все арки собора дали трещины в замках, а боковые апсиды треснули по окнам ⁶⁵.

Из всех зданий обители собор Рождества Богородицы оказался в наиболее бедственном положении, поэтому неудивительно, что реставрация, проводимая под контролем Комитета по восстановлению Ферапонтова монастыря, началась в 1912 г. с укрепления фундамента собора, а также прилегающих к нему построек, составляв-

ших с ним единый комплекс. Работы проводились согласно проекту, утвержденному Археологической комиссией ⁶⁶, и к концу 1913 г. все фундаменты были укреплены. Кроме того, внутри собора был удален сгнивший деревянный пол, и начато устройство бетонного: к железным балкам, заменившим деревянные, крепились металлическая арматура, но "за неимением цемента и средств пол был оставлен недоделанным" ⁶⁷.

Поступившие в следующем году в фонд реставрации Ферапонтова монастыря средства позволили проводить ремонтные работы в более широких масштабах. В начале 1914 г. Комитет по восстановлению Ферапонтова монастыря разработал план работ на текущий год, который был передан в Археологическую комиссию на утверждение ⁶⁸. В него входило: "Окончить бетонирование черного пола, сделать кирпичный пол, существующую крышу снять, восстановить закомары, кровлю сделать из красной меди, главу сделать шлемовидную, остатки барабана над приделом св.Николая дополнить и перекрыть главкой слабо-луковичной формы, обе главы перекрыть желтой медью, апсиды покрыть конусовидными крышами из красной меди, окно в западной стене заложить, восстановить на западной стене пояс орнамента, разрушенный при пробитии окна, остальные окна восстановить в прежней форме, трещины в стенах расчистить и заделать" ⁶⁹.

При обсуждении этого плана выступил Г.И.Котов, который решительно высказался за сохранение четырехскатного покрытия, справедливо отмечая, что "самое важное в церкви — ее роспись", и нельзя делать ничего, что в дальнейшем могло бы ей повредить, а позакмарное покрытие в ближайшем будущем может привести к прстечке кровли. К его мнению присоединились М.Т.Преображенский, В.В.Суслов и Е.А.Сабанеев. Кроме того, по общему мнению, для полной реставрации здания, проект которой был выполнен К.К.Романовым и А.Г.Вальтером, "не было найдено достаточных данных" ⁷⁰. В принятом с учетом высказанных замечаний решении, о котором сообщалось князю А.В.Оболенскому, говорилось: "...Признано нежелательным покрытие собора Рождества Пресвятой Богородицы по закомарам, в виду технической трудности такого ремонта. Соборная глава должна остаться в существующем виде. Окна в соборе...

не признано возможным изменять... К исполнению же прочих предложенных Комитетом работ со стороны Комиссии препятствий не встречается..."⁷¹ Иными словами, Комитету предлагалось ограничиться противоаварийными ремонтными работами, которые обеспечили бы сохранность храма и фресок, и не стремиться к воссозданию его первоначального облика. Надо согласиться, что такое осторожное решение, особенно в отношении сохранения четырехскатной крыши, оказалось весьма дальновидным.

Реставрационные работы, благодаря энергичному руководству А.Г.Вальтера, сразу пошли очень быстрыми темпами. Уже в июне было завершено укрепление фундамента, о чем В.Т.Георгиевский, посетивший Ферапонтово, с удовлетворением сообщал И.С.Остроухову⁷². За сезон 1914 г. А.Г.Вальтер успел полностью сделать кирпичный пол, восстановить орнамент, опоясывающий собор, вычинить участки разрушенной кладки, местами восстановить наружную облицовку стен, а также расшить и зачинить наружные трещины. Кроме того, вокруг собора, там, где это требовалось, был понижен уровень земли. Оставалось лишь укрепить четырехскатную крышу, но, несмотря на категорическое решение Археологической комиссии, Комитет продолжал настаивать на позакомарном покрытии собора. На очередном заседании в марте 1915 г. его члены постановили "по вопросу о покрытии собора по закомарам вновь войти с ходатайством в Императорскую Археологическую комиссию, представив технические соображения о возможности такого покрытия". Предполагалось также изменить форму главы собора⁷³. По всей видимости, доводы членов Комитета оказались убедительными, так как на заседании 2 апреля 1915 г. Археологическая комиссия утвердила с небольшими поправками чертежи и проекты позакомарного покрытия и восстановления луковичной главы⁷⁴, и летом 1915 г. А.Г.Вальтер приступил к исполнению своего проекта. Крыша собора была приподнята и закреплена на подпорках, что дало возможность не только проводить работы, но и исследовать своды собора, полусгнившие закомары и остатки малой главы⁷⁵.

За сезон 1915 г. А.Г.Вальтер восстанавливал первоначальную форму окон в барабане, а также начал вычинку закомар. На очереди стояли работы по проливке трещин в сводах и их укреплению, после чего должно было приступить к покрытию собора по закомарам.

Но для этого необходимо было укрепить штукатурное основание фресок, и в первую очередь расползшихся на сводах, а с их реставрацией возникали задержки. 3 июля А.Г.Вальтер писал А.В.Оболенскому: "Для меня очень важно скорое исполнение работ по заделке трещин на фресках сводов, потому что до заделки этих трещин я не могу пролить раствором своды сверху и не могу готовить покрытие по кокошникам" ⁷⁶.

Еще в 1904 г. П.П.Покрышкин поднял вопрос о реставрации фресок ⁷⁷, но сна не могла начаться, пока само здание собора находилось в аварийном состоянии. Теперь, когда реставрация архитектуры была близка к завершению, необходимость консервации фресок, и в первую очередь их штукатурной основы, стала очевидной. Для реставрации грунта фресок Комитет решил пригласить Н.Я.Епанечникова ⁷⁸ — реставратора-подрядчика, уже известного своими работами в Успенском соборе Московского Кремля, храме Христа Спасителя и церкви Спаса-Нередицы. Он посетил Ферапонтов монастырь в конце июня 1915 г., "осматривал трещины и обещал немедленно по приезде в Москву прислать свои цены" ⁷⁹. И действительно, уже 6 июля А.Г.Вальтер получил смету на работы и пространную "пояснительную записку", которые вскоре переслал А.В.Оболенскому на утверждение, сообщая в пояснительном письме, что цены Н.Я.Епанечникова на этот раз несколько дороже тех, по которым он работал в Успенском соборе ⁸⁰. А.В.Оболенский, извещая Н.Я.Епанечникова о своем согласии, просил вместе с тем немного сбавить цены, на что тот ответил отказом, ссылаясь на трудности военного времени. Уже 15 июля он отправил в Ферапонтово свою бригаду, а на следующий день выехал сам ⁸¹.

Работы по укреплению грунта фресок и заделке трещин начались в середине июля 1915 г. В бригаду Н.Я.Епанечникова входило не более 4—5 человек, а сам он бывал лишь наездами. Н.Я.Епанечников планировал завершить заделку трещин на сводах и в барабане в конце августа 1915 г. ⁸², но реальная дата завершения работ на сводах, и вообще в соборе, неизвестна. Надо думать, что его бригада проработала в Ферапонтове до глубокой осени, т.к. помимо сводов те же работы предполагалось провести на значительной части стен собора и в алтаре. Сам Н.Я.Епанечников не говорит в смете об объеме работ, но А.Г.Вальтер еще до приезда реставрато-

ров промерил трещины, нуждавшиеся в заделке. Согласно его подсчетам, оказалось "на вертикальных стенах... около 75 погон. сажень" (около 160 м) и "по аркам и по сводам около 70 погон. сажень" (около 150 м). В укреплении, по его мнению, нуждалась незначительная часть штукатурки⁸³. По всей видимости, к концу 1915 г. Н.Я.Епанечников завершил большую часть работ, т.к. в смету М.О. и Г.О.Чириковых, составленную уже в марте 1916 г., вошел, в частности, пункт по удалению брызг раствора, оставшихся после укрепления грунта и заделки трещин⁸⁴.

"Пояснительная записка" Н.Я.Епанечникова является очень интересным документом, открывающим для нас одну из первых страниц реставрации древнерусской монументальной живописи. По существу, эта записка представляет собой методику укрепления грунта фрески, многие пункты которой вполне соответствуют современным требованиям, поэтому ее текст за небольшими сокращениями уместно привести здесь полностью.

"Что касается до способов работы и употребления закрепляющих составов, — пишет Н.Я.Епанечников, — то уважение к реставрируемому памятнику не должно позволять прилагать таких способов, которые хотя и упрощали бы значительно работу, но могли бы грозить разрушением или утерей частей... Способы, употребляемые мной, и составы для закрепления сами по себе не сложны и только тщательность и аккуратность в их применении вполне гарантируют удачное исполнение предстоящей работы... В начале работ необходимо подробным выстукиванием исследовать площадь реставрируемой картины и определить величину и форму пустот и их характер... Дальнейшее исследование состоит в том, что через имеющиеся трещины или даже в крайности через проделанные специально маленькие отверстия пропускается под штукатурку очень тонкая стальная пластинка, которой и определяется величина пустоты и ее характер. Затем ведется продувание через те же маленькие отверстия, ... которое ведется обыкновенной нагнетательной машинкой с очень тонкой трубочкой на конце рукава; тонкий конец этой трубочки вводится в отверстие. После продувания в зависимости от состояния штукатурки приходится с ее задней стороны произвести подчистку тонкими стальными пилками и затем снова продувать. Обновление задней стороны штукатурки производится для

удаления пыли, которая не вышла при продувании, и для освежения штукатурки, необходимого для лучшего сцепления. Если штукатурка отошла от стены, то после продувания она слегка придвигается прессом к стене, с тем расчетом, чтобы осталось место для прохода жидкого состава, после нагнетания которого пресс еще несколько надавливают, чем равномерно распределяют введенную жидкость. В иных случаях приходится сначала нагнетать жидкость, а потом уже равномерно распределять ее давлением пресса.

Состав вводится нагнетанием шприца через особо приготовленные наконечники — иглы разных форм и размеров. В деле заливки полостей между отставшей штукатуркой и стеной главную трудность представляет не сама заливка, а предварительная подготовка данного места к этой операции. При выборе состава для заливки полостей мною поставлены следующие требования: во-первых, чтобы этот состав никаким образом не реагировал ни на штукатурку, ни на кладку стены, ни на краски; во-вторых, чтобы он крепко соединял штукатурку со стеной и впоследствии сам не разрушался ни от сырости, ни от других причин; в-третьих, чтобы раствор этого состава был по возможности наиболее жидкий для того, чтобы он мог проникать в мельчайшие трещины, причем густота раствора должна варьироваться в зависимости от величины и характера полости".

Внимательный осмотр памятника позволил Н.Я.Епанечникову классифицировать разрушения штукатурки и определить, какие участки нуждаются в реставрации, а какие нет. Среди отставаний грунта он выделил три категории: первая — "имея полость пустоты, держится крепко и не имеет трещин; образование этой полости можно приписать неровной кладке"; вторая — отставания имеют трещины; третья — отставание штукатурки наблюдается у трещин, и штукатурка "по направлению к трещине идет всё утоншающаяся и оканчивается тонкой зазубренной губкой". Трещины также делятся на две категории. Первая группа трещин, сравнительно узких, произошла "от движения кирпичей при осадке стены", но "штукатурка отлично держится на сдвинутых кирпичях". Вторая группа "может быть отнесена к опасным". Эти трещины находятся на сводах, арках и окнах. Здесь "сдвинут или целый вертикальный ряд кирпичей, или ожидается выпадение кирпичей". Делая

вывод из своих наблюдений, Н.Я.Епанечников пишет: "...Сама штукатурка по структуре очень крепкая и хорошо держится на кирпичях, так что первая категория отставания... может быть и не закрепляема. Вторая и третья категория пустот требует заделки. Обе категории трещин требует заделки, в особенности вторая как самая опасная"⁸⁵.

Приведенный документ представляет нам его автора как человека, не просто уважавшего реставрируемый памятник, но понимавшего, что чрезмерное реставрационное вмешательство может губительно сказаться на его судьбе. Иными словами, Н.Я.Епанечников как реставратор обладал качествами, редко встречающимися в среде его коллег-современников, и которых порой недостает и некоторым нынешним реставраторам. Такие пункты его методики, как тщательное предварительное исследование памятника, отказ от тотального укрепления, а также некоторые технические приемы остаются актуальными и по сей день. Однако укрепление Н.Я.Епанечникова обладало и существенными недостатками, которые вскрылись несколькими годами позже.

Обращает на себя внимание отсутствие рецептуры растворов, употребляемых Н.Я.Епанечниковым, что, очевидно, являлось его профессиональной тайной. Из его "записки" известно лишь, что заливки проводились тем же раствором, который шел на шпаклевку трещин, но в более расжиженном виде. Но именно состав растворов и оказался слабым звеном методики Н.Я.Епанечникова. Неудовлетворительные результаты его укрепления оказались в центре внимания уже на Объединенном совещании реставрационных отделов Москвы и Петрограда, проходившем в 1921 г. В.А.Витман сообщил, что "фрески в местах заделки швов отстают и свертываются", а В.Т. Георгиевский обратил внимание присутствующих на то, что "швы растрескались и начали рвать соседние области фресок". А.И.Анисимов при обследовании фресок собора обнаружил местами редкий вид разрушения, известный под названием "вскипания красочного слоя", появление которого он приписал также действию укрепляющего раствора Н.Я.Епанечникова. Особого внимания как очевидца укрепления 1915 г. заслуживает мнение К.К.Романова, сообщившего, что в состав раствора Н.Я.Епанечникова входил алебастр⁸⁶. К сожалению, наша реставрация на первых этапах работы с фресковой

живописью не избежала ряда ошибок. В частности, чрезмерное увлечение новыми строительными материалами (цемент, гипс, алебастр) и употребление их для закрепления грунта привело к гибели многих фресок, и метод Н.Я.Епанечникова не оказался исключением. Правда, алебастр оказался лишь составной частью раствора, в который, помимо него, входила известь, поэтому последствия укрепления оказались не столь губительными, как на других памятниках, но отмеченные на совещании 1921 г. разрушения грунта и красочного слоя, наряду с высолами и плесенью, появившимися вокруг зашпаклеванных трещин, на что указывает акт осмотра в 1919 г.⁶⁷, следует приписывать действию раствора Н.Я.Епанечникова.

Сопоставление архивных фотографий показывает, что Н.Я.Епанечников не успел выполнить весь запланированный объем работ. Так, незначительное число незашпаклеванных трещин осталось в западной части собора, а на подпружных арках незакрытыми оказались некоторые левкасные гвозди. Его шпаклевки, как следует из приведенных высказываний, оказались непрочными, и, кроме того, рассчитанные на последующее тонирование, они, по мнению В.Т.Гергиевского, своим тоном неприятно подчеркивали обилие утрат⁶⁸. По всей видимости, при реставрации 1927—1930 гг. они были повсеместно заменены тонированными грунтовыми вставками, сохранившимися и по сей день.

После заделки Н.Я.Епанечниковым трещин в сводах собора, А.Г.Вальтер провел укрепление сводов снаружи, пролив их цементным раствором⁶⁹. Тогда же были восстановлены в первоначальном виде скан стен собора, а пробитое в XIII в. окно в центре западной стены заложено, но не на всю толщину стены, так что внутри в центре фрески "Страшный суд" образовалась ниша. А.Г.Вальтер намеревался окончательно завершить архитектурные работы за сезон 1916 г. и тогда же провести реставрацию фресок. М.О. и Г.О.Чириковы посетили Ферапонтово в самом начале 1916 г., ознакомились с состоянием стенописи и уже 21 марта представили на рассмотрение Комитета смету на реставрацию икон и фресок. По стенописи предполагалось провести следующие работы: со всей фресковой росписи мягкой кистью удалить пыль; в местах заливок и заделок трещин удалить излишки раствора, а также загрязнения

и побелку, частично оставшиеся еще с 1798 г.: утраты грунта, заполненные раствором, затонировать нейтральным тоном без восстановления деталей ⁹⁰. Однако в 1916 г. реставрационные работы так и не были начаты, чему, очевидно, помешали внешнеполитические события и углубление вызванного войной экономического кризиса.

Оставляя собор в конце 1915 г., А.Г.Вальтер не мог предположить, что его реставрация возобновится лишь через пять лет, поэтому он не провел должных противоаварийных работ. В результате этого некоторые недоделанные детали собора подверглись быстрой порче, и в первую очередь его кровля, которая, будучи поставленной на подпорках, была закреплена весьма относительно. Временное жестяное покрытие за несколько лет проржавело и местами оказалось сорванным ветром. То же наблюдалось на покрытии главы собора. В.Т.Георгиевский посетил монастырь в 1920 г. и видел в его сводах и особенно в скюфье купола протечки, о чем сообщил на Объединенном совещании ⁹¹. Чинки стен собора в некоторых местах, видимо, из-за отсутствия штукатурного покрытия, подверглись выветриванию и начали осыпаться ⁹². Все это ставило необходимость скорейшего продолжения реставрации, которая формально началась в 1919 г. ⁹³, но из-за отсутствия финансирования и снабжения материалами работы возобновились лишь в 1921 г.

За сезон 1921 г. В.В.Данилов полностью восстановил утраченные части кокошников и закрепил временную крышу ⁹⁴. Но в 1922 г. работы велись по другим зданиям монастыря, и комиссия, осмотревшая собор в середине июля 1923 г., вновь отмечала неудовлетворительное состояние памятника. Особое опасение вызывала сырость в барабане собора, что наносило урон фрескам; для борьбы с нею было предложено в двух окнах барабана сделать форточки ⁹⁵.

В 1923 г. В.В.Данилов работал только урывками из-за перебоев в финансировании. Тем не менее он приступил к перекрытию апсид с заменой прежнего покрытия на посводное, а также восстановил на них фигурный фриз и карниз. Крыша над сводами была вновь приподнята, на кокошниках были сделаны кружала и деревянная опалубка, а своды проложены рубероидом. Плотники даже изготовили три окончины для малого барабана, что свидетельствует о намерениях его восстановить ⁹⁶. Однако все эти работы не были

завершены из-за недостатка средств, и даже крыша осталась на зиму без закрепления. В таком виде собор простоял до августа 1924 г.⁹⁷, и только в конце сезона В.В.Данилов успел завершить посводное покрытие апсид⁹⁸.

По всей вероятности, при обсуждении в Петроградских реставрационных мастерских плана на будущий 1925 г. было решено в обязательном порядке завершить не в меру затянувшуюся реставрацию Богородице-Рождественского собора. Об этом свидетельствует смета, составленная В.В.Даниловым в октябре 1924 г., в которую вошли все необходимые для этого виды работ⁹⁹. Предварительно на одном из заседаний было предложено "из соображений практического характера", а также ввиду отсутствия должного надзора за памятником, временно оставить четырехскатную крышу ИОС. Для более прочного ее крепления между закомарами и кокошниками делались в их высоту перемычки толщиной в полтора кирпича, на которые опирались бы стропила крыши. К этому моменту кокошники и закомары уже были восстановлены в первоначальной форме, поэтому крыша оказалась приподнятой значительно выше, чем до начала реставрации, и частично закрыла окна барабана. В связи с этим В.В.Данилов предлагал временно, до восстановления позакомарного покрытия, заложить кирпичом нижнюю, оказавшуюся закрытой часть окон, дабы избежать протечек. Кроме того, предполагалось железное покрытие крыши заменить на медное, провести остекление окон и т.д. Все эти работы были выполнены в 1925 г.¹⁰¹, и архитектурная реставрация собора, начавшаяся в 1912 г., была, наконец, завершена.

Систематическая реставрация стенописи собора Рождества Богородицы началась в 1927 г., но еще в ходе архитектурных работ по фрескам были предприняты незначительные промывки, частичное удаление брызг от побелок, излишков растворов различных строительных периодов и т.д. К сожалению, все эти работы не зафиксированы документально, поэтому сейчас трудно установить и их последовательность, и их исполнителей.

По всей видимости, основная масса этих работ коснулась порталной фрески, которая, в силу своего расположения, наиболее пострадала и чаще подвергалась мелким поновлениям. Восстановим вкратце ее историю. Созданная одновременно с росписями

собора, она в середине XVII в. оказалась полностью внутри паперти, перекрытой высокой крышей. Вся композиция была легко обозрима, о чем свидетельствует ее обширное описание в одной из монастырских описей: "В паперти над церковными западными дверьми образ Спасов Вседержителей. По сторонам Спасова образа писано стеном письмом образы пресв. Богородицы, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила и образы апостольские, да образы Рождества Богородицы. На сводах дверей тех церковных образ пресв. Богородицы Знамение, образы преподобных Иоанна Дамаскина и Козмы Майумского. По сторонам тех церковных западных дверей два образа ангельских"¹⁰². В таком виде фреска простояла до ремонта 1794--1798 гг., в ходе которого паперти были полностью перестроены со значительным понижением крыши; приыкающие к западной стене собора стропила были врублены прямо в фреску, из-за чего утратилась значительная часть деисуса, а верхняя его половина оказалась на открытом воздухе. Тогда же в паперти был настелен низкий потолок, разделивший порталную композицию пополам, так что обозрими остались только фигуры архангелов и Богоматерь Знамение с преподобными. Таким образом, два верхних регистра порталной фрески оказались в сыром чердачном помещении, что нанесло живописи неисправимый урон, нижняя же часть композиции, напротив, находилась на постоянном обозрении, из-за чего, надо думать, не раз поновлялась. Так, составивший опись 1856 г. священник Арсений Разумовский не мог определить имена преподобных по сторонам Богоматери Знамение, неправильно полагая, что перед ним Ферапонт и Мартиниан, потому что сопроводительные надписи были забелены¹⁰³.

Вероятнее всего, мелкие реставрационные работы по стенописи, и в первую очередь по порталной фреске, выполняли П.И. Юкин и А.И. Анисимов, регулярно посещавшие Ферапонтово. В 1926 г. ЦГРМ командировали в монастырь П.И. Юкина для обследования фресок и составления примерного плана реставрационных работ. П.И. Юкин провел пробные работы, а на порталной фреске удалил излишки цементного раствора. На основании своих исследований он подал докладную записку, согласно которой реставрационные меры должны были выразиться в удалении с фресок большого количества пыли и множества бумажных заклеек, "отпадающих и дерущих эпидерму фрескового красочного слоя" (время появления этих заклеек неиз-

вестно), освобождении трещин от излишков раствора и цемента, удалении плесени, а также покрытии штукатуркой "новой кирпичной кладки на местах уменьшенных окон и ее тонировании в нейтральный тон" ¹⁰⁴. В 1927 г. на реставрацию фресок было выделено 500 руб. ¹⁰⁵, а выполнение работ взяли на себя сотрудники ЦГРМ А.И. Анисимов, П.И. Мкин, Е.А. Домбровская и Н.Д. Степанов; фотофиксацию проводил М.С. Лаговский.

О ходе реставрационных работ мы узнаем из реставрационного отчета за 1930 г. и ежегодных отчетов Кирилловского музея за 1929—1930 гг. По всей видимости, в 1927—1928 гг. реставраторы работали в барабане собора, а также на парусах и сводах. Ими была произведена промывка фресок, удаление загрязнений и остатков раствора, а также укреплена штукатурка и зашпаклеваны трещины; закладки окон барабана были заштукатурены и тонированы. По окончании работ леса в барабане были сняты. В 1929 г. аналогичные работы велись в центральных лонгетах стен, где отмечались особенно активные разрушения грунта. После завершения этих работ ярус лесов, находившихся под сводами, был демонтирован (из этого следует, что барабан и своды уже были отреставрированы) ¹⁰⁶. В 1930 г. реставрация распространилась на центральную апсиду, жертвенник и нижнюю часть стен собора ¹⁰⁷. Помимо уже указанных реставрационных процессов, было заштукатурено заложное окно в западной стене и разобран иконостас, за которым открылись две композиции "Благовещения" превосходной сохранности ¹⁰⁸. На этом реставрация фресок завершилась.

Употребляемый реставраторами штукатурный раствор, приготовленный по рецепту П.И. Мкина, состоял из 1 части извести и 2 частей наполнителя (смесь песка, пемзы, угля, толченого кирпича и льна). Укрепление грунта проводилось тем же составом, но в более жидком виде, а для промывки реставраторы использовали раствор, в котором на 1 л воды добавлялось 20 г 60% уксусной кислоты, 10 г вишневого клея и 50 г спирта. Таким образом, красочный слой одновременно с промывкой частично укреплялся ¹⁰⁹.

На реставрацию фресок собора ушло четыре неполных летних сезона, и совершенно очевидно, что четыре исполнителя не могли за такой короткий срок полностью отреставрировать всю стену собора, да, по всей видимости, такая задача перед ними и не стояла. Работы проводились выборочно, на наиболее разру-

шенных участках, а боковые западные части и Никольский придел оказались вовсе обойденными. Частично этот пробел был восполнен в 1959 г., когда бригада реставраторов Вологодской СНРПМ в составе В.О.Кирикова, В.Е.Брягина и И.Е.Брягиной отреставрировала Никольский придел, а также нижний регистр изобразений порталной фрески.

Эта реставрация подробно отражена в отчете, и мы можем составить полное представление и о состоянии фресок к моменту начала работ, и с примененной методике. Из-за отсутствия водостоков на крыше церкви преп.Мартиниана вода с нее постоянно стекала на стену южной апсиды собора, и фрески придела, особенно в его юго-восточной части, даже летом оставались влажными. Это привело к активному отставанию штукатурки, выделению высолов и обильному произрастанию плесени и водорослей. Красочный слой стенописи под воздействием всех указанных явлений начал не просто мелиться, но шелушиться и осыпаться. Реставраторам предстояло провести сложный комплекс работ, и они начали с укрепления красочного слоя, который пропитывался водно-спиртовым раствором казеина (казеиновая "варка" готовилась из 1 части клея, 4 частей воды и 1 части денатурата, а для укрепления она разбавлялась в четыре раза денатуратом) и после напитки притягивался костяными стеками. Укрепление грунта проводилось казеино-известковым раствором (1 часть сухого клея на 3 части воды и 12 частей извести), который подводился под отставший слой штукатурки. После удаления с поверхности фресок загрязнений, плесени и водорослей (ватный тампон, смоченный в воде) вся поверхность живописи была дезинфицирована 5% раствором формалина¹¹⁰.

По существу, это была последняя реставрация фресок Дионисия. В середине 70-х гг. ВНИИ реставрации, институт "Спецпроект-реставрация" и Межобластная СНРПМ начали совместное исследование стенописи собора, окончательной целью которого является выработка методики их реставрации, но никаких практических работ пока проведено не было, если не считать незначительного укрепления штукатурки и заделки мелких трещин на ярусе полотенец, выполненных бригадой реставраторов под руководством И.П.Ярославцева.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что на некоторых участках стенописи собора Рождества Богородицы никогда не проводились ни поновления, ни реставрации. Тщательное визуальное обследование живописи могло бы выявить эти участки. Прежде всего следует обратить внимание на фрески, расположенные в боковых западных компартиментах собора. Эти фрески, никогда не подвергавшиеся чужеродным воздействиям и простоявшие в своем первоначальном виде с момента их создания, предоставляют нам уникальную возможность для изучения технологии древнерусской монументальной живописи.

Примечания к главе II:

- 1 Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398—1898. СПб., 1900, с.9—10.
- 2 Романов К.К. Антиминсы XV—XVII вв. собора Рождества Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре. — Известия Комитета изучения древнерусской живописи, вып. I. Пг., 1921, с.21—46.
- 3 Там же, с.38—39.
- 4 Оба дошедших до нас антиминса — соборного престола и Никольского придела — были заготовлены одновременно, но соборный освятили в 1466 г., тогда как Никольский — в 1470 г. К.К. Романов пишет, что сейчас невозможно установить, была ли "выстроена за 4 года отдельная деревянная церковь, престол которой был затем перенесен в дошедший до нашего времени соборный каменный храм, или же освящение придела в выстроенном в 1466 г. храме Рождества Богородицы было отложено до 1470 г." (Романов К.К. Ук. соч., с.39). Однако для строителей каменного храма, оказались Никольский придел отдельно стоящей церковью, не было особых причин ее ломать и переносить в новый собор в качестве придела. Вероятнее всего, Никольский придел был задуман при строительстве нового деревянного храма, но оказался пристроенным к нему лишь в 1470 г.
- 5 Бриллиантов И.И. Ук. соч., с.55; Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, с.18—20.
- 6 Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — Известия имп. Археологичес-

кой комиссии, вып.28.(Вопросы реставрации, вып.2). СПб., 1908, с.112—123; История русского искусства, под ред.И.Э.Грабаря, В.С.Кеменова, В.Н.Лазарева, т.Ш.М., 1955, с.289—290, 293.

7 Первоначально было решено, что малая глава была надстроена позже (Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук.соч., с.123). Однако в 1915 г., когда крыша собора была приподнята, выяснилось, что малая глава относится к первоначальной постройке (Романов К.К. Ук. соч., с.23).

8 Федьшин Н.И. О датировках ферапонтовских фресок. — Ферапонтовский сборник, вып. I. М., 1985, с.38—46.

9 ГАВО, ф.883, № 78: Опись Ферапонтова монастыря, 1693 г., л.3: "А в соборной церкви и в приделе подписано стенным письмом в прошлом 311 году" (7010 =1502).

10 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с.124.

11 Там же, с.151—152.

12 ГАВО, ф.883, № 40: Опись Ферапонтова монастыря, 1664 г., л.1 об.; ОР ГИБ, Q IV 398: Опись Ферапонтова монастыря, 1665 г., л.3.

13 ОР КИАХМЗ, № 91: Опись Ферапонтова монастыря, 1673 г., л.3 об.; ГАВО, ф.883, № 59: Опись Ферапонтова монастыря, 1680 г., л.3.

14 Бриллиантов И.И. Ук. соч., с.95.

15 Там же, с.97.

16 ГАВО, ф.883, № 78, л.4.

17 Первая опись (ГАВО, ф.496, оп.1, № 450: Опись Ферапонтова монастыря, б/д) не имеет начальных двух-трех листов и на основании контекста датируется М.Г.Малкиным 1714—1725 гг. (Малкин М.Г. Некоторые элементы наружной росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря и их связи с интерьером. — Ферапонтовский сборник, вып. I. М., 1985, с.177). Вторая опись — вернее, ее отрывок, содержащий описание ризницы (ГАВО, ф.496, оп.1, №10: Описи монастырского имущества, разрозненные, 1705 г., л.44—82 об.), вероятнее всего, является фрагментом первой описи. Он также написан после 1714 г. — в нем упоминается предыдущая опись монастыря за этот год.

18 Эта надпись впервые опубликована И.И.Бриллиантовым. См.: Бриллиантов И.И. Ук.соч., с.69.

- 19 ОР ГТБ, № 114/1349: Вкладная книга Ферапонтова монастыря, 1726—1760 гг., л.60. См. также: Малкин М.Г. Ук. соч., с.90, примеч.16.
- 20 ГАВО, ф.496, оп.1, № 1341: Монастырские ведомости за 1740 г., л.20.
- 21 С.В.Филатов ошибочно считает, что эти связи были заменены в 1836 г.: Филатов С.В. Иконостас и интерьер собора Ферапонтова монастыря. (К проблеме организации внутреннего пространства). — Ферапонтовский сборник, вып.1, с.55. Его ошибка основывается на неправильном прочтении сильно поврежденного заголовка архивного дела — смета, на которую ссылается С.В.Филатов, относится к ремонту церкви Мартиниана, а не собора Рождества Богородицы. См.: ГАВО, ф.1173, №127: Смета к исправлению некоторых поврежденных ц.преп.Мартиниана Кирилловского уезда в упраздненном Ферапонтовом монастыре, 1836 г.
- 22 Филатов С.В. Ук. соч., с.55.
- 23 Малкин М.Г. К истории иконостаса собора Ферапонтова монастыря. — Ферапонтовский сборник, вып.1, с.90.
- 24 Кочетков И.А. История иконостаса собора Ферапонтова монастыря. — Ферапонтовский сборник, вып.1, с.76.
- 25 Чернышев Н.М. Искусство фрески в древней Руси. Материалы к изучению древнерусских фресок. М., 1954, с.82—84.
- 26 Георгиевский В.Т. Ук. соч., с.47.
- 27 ОР ГТГ, ф.10, № 2479: Письмо В.Т.Георгиевского И.С.Остроухову от 19 июля 1914 г., л. 2 об.
- 28 ЦГА, ф.1107, оп.1, № 47: Князей А.В. и С.В.Оболенских переписка и документы по восстановлению Ферапонтово-Белозерского монастыря, 1913—1917 гг., л.64—65 об.
- 29 Архив ЛОИИ, ф.238, оп.2, № 318/6: Табель монахов монастырей Вологодской епархии, 1733—1735 гг., л.188—193.
- 30 ОР ГБЛ, ф.209, № 501: Опись Ферапонтова монастыря, 1767 г., л.2.
- 31 В конце XVII в. обе главы были покрыты железом; к 1747 г. (ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663: Опись Ферапонтова монастыря, 1747 г., л.57 об.) большая глава, а к 1763 г. (ЦГАДА, ф.280, оп.3, № 746: Опись Ферапонтова монастыря, 1763 г., л. 1 об.) и малая оказались покрытыми осиновым лемехом.

- 32 ЦГАДА, ф.280, оп.8, № 68: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1772 г., л.3.
- 33 ГАВО, ф.496, оп.1, № 3067: Выписки из приходо-расходных книг Ферапонтова монастыря, 1771—1774 гг., л. 6 об.
- 34 ОР ГИБ, F¹ Ю 753: Опись Ферапонтова монастыря, 1775 г., л.1.
- 35 ЦГИА, ф.796, оп.71, № 394: Дело о переводе Ферапонтова монастыря в заштатный Саввино-Вишерский монастырь, 1790 г., л.1.
- 36 ГАВО, ф.1173, № 79: Ведомость имущества Ферапонтова монастыря, 1798 г., л.1—2.
- 37 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с.112—123; Романов К.К. Ук. соч., с.22—24.
- 38 ЦГАДА, ф.280, оп.13, №249: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1777 г., л.6 об., 9 об.
- 39 Помимо иллюстраций в книге В.Т.Георгиевского, большое количество фотографий этого времени — в фототеках ЛОИА, ГНИМА и ГТГ.
- 40 ГАВО, ф. 1173, № 108: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1800 г., л.2—2 об.
- 41 ГАВО, ф.1173, № 113: Книга записи расходов Ферапонтова монастыря, 1805 г., л.5.
- 42 ГАВО, ф.1173, № 117: Книга записи расходов Ферапонтова монастыря, 1809—1815 гг., л.15.
- 43 ГАВО, ф.1147, оп.2, № 473: Книга расхода денежных сумм Ферапонтова монастыря, 1823—1835 гг., л.8—12 об.
- 44 Там же, л.12 об.
- 45 Там же, л.20—21.
- 46 Там же, л.23—23 об.
- 47 Там же, л. 36 об.
- 48 ГАВО, ф.1173, № 118: Книга записи расходов Ферапонтова монастыря, 1851—1875 гг., л.35—46 об.
- 49 Там же, л.56—57 об.
- 50 ГАВО, ф.1173, № 120: Книга записи расходов Ферапонтова монастыря, 1880—1882 гг., л. 1 об.
- 51 ЦГАДА, ф.1441, оп.3, № 2484: Отчет о состоянии Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря, 1905 г., л.13 об.; Павлов С.Н. Иван Иванович Бриллиантов — историк Ферапонтова. — Ферапонтовский сборник, вып.1, с.19, примеч.52.

- 52 ОПИ КИАХМЗ, № 159: Дела по благочинию, 1864 г., л. II6.
- 53 ОПИ КИАХМЗ, № 160: Дела по благочинию, 1865 г., л. 47.
- 54 ОПИ КИАХМЗ, № 166: Дела по благочинию, 1868 г., л.52.
- 55 ГАВО, ф. II47, оп.2, № 473, л.35 об.
- 56 ОПИ НГОМЗ, № 10601: Историко-статистическое описание Богородице-Рождественского упраздненного Ферапонтова монастыря, 1856 г., л.25 об.
- 57 ОПИ КИАХМЗ, № 157: Дела по благочинию, 1862 г., л.52.
- 58 ОПИ КИАХМЗ, № 333: Ведомости о церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, 1849--1919 гг., л.22, 33 об.
- 59 ГАВО, ф. II73, № II8, л.36 об., 37, 4I, 42.
- 60 Окончательно плесень и водоросли со стен Никольского придела были удалены в 1959 г., но и сейчас на оставленных реставраторами контрольных участках видны следы, похожие на остатки клеевой прописи. См.: Архив Вологодской СРПМ, К-В-Ф, инв. № 902: Отчет о реставрации фресок Никольского придела собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, 1959 г.
- 61 ОПИ КИАХМЗ, № 194: Дела по благочинию, 1892 г., л.53--53 об.
- 62 Шереметев П. Зимняя поездка в Кирилло-Белозерский край. СПб., 1902, с.4I.
- 63 ЦГИА, ф.799, оп.25, № 1423: Дело о командировании архитектора-археолога П.П.Покрышкина в Ферапонтов монастырь, 1904--1914 гг., л.7.
- 64 ЦГАДА, ф. I44I, оп.3, № 2484, л. I3 об., I4.
- 65 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. II9--I20.
- 66 Известия имп. Археологической комиссии, вып.50. (Вопросы реставрации, вып. I2). СПб., 1913, с. 44.
- 67 ЦГАДА, ф. I44I, оп.3, № 2569: Отчет о состоянии Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря, 1913 г., л. I4.
- 68 ЦГИА, ф. II07, оп. I, № 47, л.30--3I об.
- 69 Известия имп. Археологической комиссии, вып.55. (Вопросы реставрации, вып. I4). Пг., 1914, с.85.
- 70 Там же, с.86--87.
- 71 ЦГИА, ф. II07, оп. I, № 47, л.29--29 об.
- 72 ОР ГТГ, ф. I0, № 2479, л.2 об.
- 73 ЦГИА, ф. II07, оп. I, № 47, л.78--79 об.
- 74 Там же, л.77.

- 75 Романов К.К. Ук.соч., с.23.
- 76 ЦГИА, ф. 1107, оп.1, № 47, л.6—7 об.
- 77 ЦГИА, ф. 799, оп.25, № 1423, л.6—10 об.
- 78 Архив ЛОИА, ф.29, № 969: Письма А.Г.Вальтера К.К.Романову, л.5 об.
- 79 ЦГИА, ф.1107, оп.1, № 47, л.6—7 об.
- 80 Там же, л.5—5 об.
- 81 Там же, л.21.
- 82 Там же, л.62—63 об.
- 83 Там же, л.5 об.
- 84 Там же, л.64—65 об.
- 85 Там же, л.14—15 об.
- 86 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 19: Протоколы заседания Объединенного совещания реставрационных отделов Москвы и Петрограда, 12—18 апреля 1921 г., л.30, 48 об.—49 об.
- 87 ОР ГТГ, ф.68, № 60: Акт осмотра Ферапонтова монастыря от ЗИ/УП по 2/УШ 1919 г.
- 88 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 19, л.48 об.
- 89 На использование цемента указывает акт осмотра монастыря. См.: ОР ГТГ, ф.68, № 60.
- 90 ЦГИА, ф.1107, оп.1, № 47, л.64—65 об.
- 91 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 19, л.48 об.
- 92 ОР ГТГ, ф.68, № 60.
- 93 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 62: Материалы по реставрации Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, 1919—1932 гг., л.17.
- 94 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 8: Протоколы отдела архитектурной реставрации Наркомпроса, 1925 г., л. 191.
- 95 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 62, л.2.
- 96 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 6: Протоколы отдела архитектурной реставрации Наркомпроса, 1923 г., л.136.
- 97 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 62, л.3.
- 98 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 7: Протоколы отдела архитектурной реставрации Наркомпроса, 1924 г., л. 7 об.
- 99 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 62, л.10—13 об.
- 100 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 8, л.191.
- 101 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 74: Материалы Ленинградских реставрационных мастерских, 1922—1933 гг., л.15—16 об.

- 102 ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663, 1747 г., л. 57 об.
 103 ОПИ НГОМЗ, № 10601, л. 9 об.
 104 ОР ГТГ, ф.67, № 365: Докладная записка П.И.Юкина по вопросу о реставрации фресок церкви Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, 19.10.1926 г.
 105 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 10: Протоколы отдела архитектурной реставрации Наркомпроса, 1927 г., л.105 об.
 106 ОПИ КИАХМЗ, № 383: Годовой отчет Кирилло-Белозерского и Ферапонтова музеев за период с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г., л.б.
 107 ОПИ КИАХМЗ, № 384: Годовой отчет Кирилло-Белозерского и Ферапонтова музеев с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г., л.7.
 108 ОР ГТГ, ф.67, № 365: Отчет о реставрации фресок Ферапонтова монастыря с 30 июля по 21 августа 1930 г.
 109 Там же.
 110 Архив Вологодской СРПМ, К-В-ф, инв. № 902.

Глава III

Иконостас собора Рождества Богородицы

Стенопись собора Рождества Богородицы являлась далеко не единственным украшением его интерьера, и если история фресок не изобилует событиями, то этого нельзя сказать о внутреннем убранстве храма — оба его иконостаса не раз подвергались перестройкам, а набор икон, украшавших стены и столбы, постоянно обновлялся.

Несомненно, наибольший интерес представляет соборный иконостас, уже давно привлекающий внимание ученых. О времени его создания, первоначальном виде и коснувшихся его перестройках в научной литературе высказывалось множество самых различных мнений. В работах И.А.Кочеткова, М.Г.Малкина и С.В.Филатова, опубликованных в предыдущем Ферапонтовском сборнике, как бы подводятся итог предшествующим исследованиям и вычлняются основные спорные вопросы по истории соборного иконостаса. К сожалению, в указанных